

УДК 327.56(5)
ББК 66.4(5)

Губин Андрей Владимирович*, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра Азии и АТР РИСИ (г. Владивосток).

Новые основы формирования системы безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Новая биполярность?

Вопреки реляциям о возобновлении "холодной войны" на основе российско-американского и американо-китайского противостояния, ситуация глобальной биполярности сегодня вряд ли возможна в силу отсутствия равного США и их союзникам по комплексной мощи антагониста с противоположной идеологией. Современный Китай сложно назвать оплотом социализма — капиталистические принципы в нём не менее сильны, чем у европейских союзников Вашингтона. Тем не менее, не суждено сбыться и ожиданиям идеолога американской гегемонии З. Бжезинского о формировании "Большой двойки" в качестве глобального дуумвирата ввиду различных ценностных установок двух государств и наличия геополитических противоречий, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹.

Учитывая усиление России в качестве глобального политического игрока, а также евразийский вектор интеграции, который активно проводит целый ряд государств, можно говорить о постепенном движении в сторону полицентричной модели мироустройства. Аналогичные принципы видятся справедливыми и для АТР, где всё большее количество стран, включая и традиционных американских партнёров в сфере безопасности, дистанцируются от намечающегося противостояния азиатского гиганта — Китая и несостоявшегося глобального лидера — США.

Ряд аналитиков полагает, что неформальная встреча Б. Обамы и Си Цзиньпина в Калифорнии в 2013 г. оказала серьёзное влияние на реформирование системы безопасности в АТР, направленной на взаимное сдерживание при одновременном недопущении роста конфликтности. Тогда два лидера сошлись во мнении, что "в Тихом океане достаточно места для двух великих держав", в результате чего было объявлено о "новом типе отношений между великими державами". Также стоит отметить, что Китай всё больше принимает для себя концепцию "ответственного акционера" (responsible stakeholder), согласно которой формирование

* andrey.gubin@riss.ru

¹ См. например: Федотов В.П. О формуле G2 в отношениях США и Китая: мифы и реальности // Российский институт стратегических исследований: официальный сайт. 2010. 28 апреля. URL: <https://riss.ru/analytics/1071/> (дата обращения: 01.02.2017).

пространства мира и безопасности является жизненно необходимым как для поддержания экономического роста, так и адекватного осуществления своего суверенитета.

Научное сообщество дискутирует о том, насколько быстро произойдут перемены в КНР, однако внимание отечественных и зарубежных аналитиков более всего акцентируется на том, какие угрозы возникнут в результате роста комплексной мощи Китая. Многие эксперты усматривают угрозы для соседних государств в размере территории и количестве населения, колоссальной экономике и увеличивающемся военном бюджете КНР. Уже сегодня имеются все предпосылки для того, чтобы Поднебесная стала доминантной державой и изменила *status quo* в Восточной Азии в свою пользу, что, прежде всего, бросает вызов американским интересам.

Вместе с тем, существуют и отличные мнения относительно системообразующего характера внешней политики КНР для пространства безопасности АТР, допускающие, что к нарушению сложившегося *status quo* меньше всего стремится Китай². Регион не находится на грани катастрофы, а баланс сил достаточно устойчив, поскольку представляет собой, скорее, одностороннее подавляющее превосходство силы США над потенциальными соперниками³.

Теоретические принципы современной политики КНР в области безопасности

Немаловажную роль для понимания китайских интересов безопасности в АТР играет теория международных отношений, а именно аутентичное осмысление китайскими аналитиками ключевых западных категорий и их изложение в национальной манере для последующей реализации системой государственных ведомств.

Китай в настоящее время разрабатывает должное теоретическое и методологическое обеспечение дипломатии "великой державы" с китайской спецификой. Как отметил председатель Си Цзиньпин, наиболее ценным качеством новой политики должна стать гармония. А в сравнении с западной дипломатией, ориентированной на быстрый успех в достижении материальной выгоды, китайская должна основываться на принципах дружбы и долговременного сотрудничества⁴.

В результате, устремления Пекина к росту собственного могущества не должны восприниматься как восстановление исторической справедливости. Ряд китайских учёных оспаривают тезис об имперской склонности КНР к экспансии, утверждая, что в национальной стратегии заложен принцип минимального использования силы — только в исключительных обстоятельствах.

² См.: *Бабонес С.* Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать // Российский Совет по международным делам: официальный сайт. 2015. 24 марта. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5496&active_id_11=68#top (дата обращения: 10.12.2016).

³ Там же.

⁴ См.: *Yang Jiemian.* China's Innovative Diplomatic Strategy in the New Era // China Institute of International Studies. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2015-05/27/content_7937633.htm (дата обращения: 15.12.2016).

Вместе с тем, некоторые западные авторы не согласны с тем, что Китай основывает свою политику в АТР на многовековой мудрости и опыте мирного сосуществования. Китай имеет солидную историю суверенитета над огромными азиатскими пространствами, а сейчас пользуется очевидным ослаблением влияния Запада на Тихом океане, предлагая некие альтернативные отношения, основанные на формальной иерархии при неформальном неравенстве⁵. Иными словами, сегодня КНР не обязывает своих партнёров к следованию своей воле, однако подразумевает своё лидерство. Китайская парадигма международных отношений предусматривает наличие в регионе одного "срединного государства", у которого нет территориальных притязаний к своим соседям, и которое обеспечивает равновесие всей системы.

Директор Центра мира и примирения Алан Хантер характеризует современную дипломатию по-китайски как основанное на военной мысли Древнего Китая стратегическое государственное управление, направленное на усиление экономической и военной мощи государства. Политика КНР представляет собой "продуманную стратегию для введения в заблуждение предполагаемых соперников, выведения их из равновесия и достижения победы без боя"⁶. Согласно логике Хантера, желание и стремление Китая быть мировой державой продиктовано "комплексом превосходства и неполноценности" (*superiority-inferiority complex*)⁷.

Китайские учёные активно продвигают идею восстановления мирового порядка с Китаем в центре. В литературе и официальных документах всё чаще встречается традиционный китайский термин "Поднебесная", который отражает уникальный нормативный принцип международных отношений, отличный от западных категорий суверенитета и анархии. Китайский философ Чжао Тинъян описывает "Поднебесную" как единство с Вселенной, вовлечённость всего мира на общих этических началах. Данное представление созвучно и с идеей вечного мира И. Канта, и с концепцией "мягкой силы" Дж. Ная, так как "Поднебесная" является желанным партнёром для других государств в силу привлекательности своей культуры и ценностей, что делает пространство вокруг бесконфликтным⁸.

"Поднебесная" представляет собой контраст анархичной Вестфальской системе международных отношений, которая провоцирует межгосударственные конфликты. Подобный подход в случае его реализации на политическом, экономическом и культурном уровнях формирует некое "сообщество Поднебесной", где центр не эксплуатирует, а защищает периферию, основываясь на принципах взаимозависимости и процветания между Китаем и соседями на всех четырёх сторонах государственной границы.

⁵ См.: *Jacques M. When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order*. Penguin Books, 2012. 812 p. P. 9–26.

⁶ *Hunter A. Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics*. 2009. Vol. 2 (3). URL: <http://cjip.oxfordjournals.org/content/2/3/373> (дата обращения: 05.12.2016).

⁷ *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics / ed. by Li Mingjiang*. Lexington Books. Plymouth, 2009. P. 144.

⁸ См.: *Li Junhua. Presenting Innovations in China's Diplomatic Theory and Practice // Cpifa Customer Reviews*. URL: <http://www.cpifa.org/en/q/listQuarterlyArticle.do?articleId=361> (дата обращения: 15.01.2017).

В 2004 г. американский политолог Дж. Рамо описал "Пекинский консенсус", который основан на успешных достижениях и привлекательном опыте Поднебесной. В данной модели отмечены успешная адаптация к процессам глобализации, ключевая роль государства в экономике, рост промышленности, улучшение уровня жизни, стремительное развитие науки, техники и образования⁹. Учёный считает, что некоторые страны Восточной Азии и Латинской Америки, взявшие ранее за основу развития "Вашингтонский консенсус", в итоге переняли успешный пример социально-экономического развития Китая. "Пекинский консенсус" в отличие от "Вашингтонского" делает акцент на этических принципах, общественном развитии, экономическом росте, а также глобальном балансе сил¹⁰.

Исторический дискурс КНР в XXI в. основывается на опыте имперских династий, чьи успехи были прерваны вторжением стран Запада в XIX столетии. Современный мирный рост Китая, тем не менее, однозначно воспринимается на Западе как политика реваншизма, умело замешанная на историческом и культурном наследии. Лидеры страны понимают, что коллапс Цинской империи случился ввиду нехватки сил для противостояния полномерной экспансии, потому, вероятно, китаецентричный порядок будет всё же выстроен на понятных Западу принципах "мягкой" и "твёрдой" силы¹¹.

Американский экономист Д. Лэмптон полагает, что "сила" представляет собой объективные возможности государства, а именно оружие, деньги и мышление¹². По его мнению, китайское руководство прилагает все усилия для развития всех трёх типов силы, но ему необходимо гармонично опираться на принудительную силу Мао Цзэдуна, экономическую силу Дэн Сяопина, а также идеологию плюрализма, внедряемую четвертым и пятым поколением руководителей. Учёный объясняет четыре пути использования китайской "твёрдой силы": прямая угроза, оборона территории, демонстрация силы и гарантии безопасности. Кроме применения принудительной силы и материальной привлекательности экономических достижений, Поднебесная активно продвигает культурную силу, дипломатию, идеологию, интеллектуальные и символические ресурсы¹³.

Профессор Дин Шэн из Университета Блумсберг полагает, что современная КНР может позиционировать себя как державу, которая способна изменить status quo в регионе в свою пользу. Китай проводит глобальную стратегию, основанную на "мягкой силе" и эффективно применяет её в процессе возвышения и усиления на своём пути к доминантной державе. Пекинское руководство, продолжая осуществлять процесс всесторонней модернизации, не только продвигает идею "мягкой силы", но и внедряет

⁹ См.: *Ramo J.C.* The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. London: The Foreign Policy Center, 2004. 74 p. URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).

¹⁰ Ibid. P. 5–6.

¹¹ См.: *Zhao Suisheng.* Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China // *Journal of Contemporary China.* 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10670564.2015.1030913> (дата обращения: 15.01.2017).

¹² См.: *Lampton D.M.* The faces of Chinese power // *Foreign Affairs.* 2007. Vol. 86. № 1. P. 115–227.

¹³ Ibid.

новую глобальную стратегию, основанную на формировании благоприятного имиджа страны¹⁴. Согласно мнению китайских авторов, Чжуннаньхай¹⁵ уже эффективно реализовал "мягкую силу" и построил международный порядок в трёх регионах: Юго-Восточной Азии, Латинской Америке и Африке¹⁶. Подобное наступление "мягкой силой" в развивающихся странах рассматривается западными странами как новая форма колониализма, подкреплённая дружественными отношениями с рядом "недемократических" режимов¹⁷. Вместе с тем, нельзя не отметить роста антикитайских настроений в указанных регионах, где Пекин перестаёт быть желанным партнёром, в ряде случаев оставаясь, скорее, безальтернативным.

По большому счёту дипломатия Си Цзиньпина или так называемый "мирный рост 2.0" не представляет собой ничего кардинально нового. Пекин по-прежнему ищет пути для стабилизации внешнего окружения в интересах экономического развития страны. Вместе с тем, некоторые отличия наблюдаются в средствах. Прежде Чжуннаньхай отталкивался от принципа "сокрытия возможностей и выжидания своего часа", тогда как сейчас он гораздо более настойчиво отстаивает национальные интересы. По мнению ряда авторов, способность Китая сформировать действительно мирное окружение и выстроить новую систему безопасности в Восточной Азии, всё ещё ограничена¹⁸.

Фактические же действия китайского руководства показывают, что защита национальных интересов для государства важнее, нежели "мирный рост". В начале 2014 г. в обращении к делегатам Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) от Народно-освободительной армии Китая (НОАК) Си Цзиньпин отметил необходимость усилий по скорейшей модернизации вооружённых сил и улучшению их возможностей по достижению победы в возможной войне, так как Китай в любое время и при любых обстоятельствах должен быть в состоянии отстаивать свои законные национальные интересы.

Подобный беспрецедентный упор на национальные интересы также имеет смысл для внутренней политики, поскольку в том случае, если Пекин отступит от своих притязаний в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, среди населения может начать нарастать критика в адрес Коммунистической партии. В этой связи "мирный рост 2.0" не исключает небольших стычек по периметру границ, однако не отменяет устремлений к формированию гармоничной внешней среды.

На первом заседании нового органа — Комиссии по национальной безопасности (иначе — Совет государственной безопасности) в апреле 2014 г.

¹⁴ См.: *Ding Sheng*. Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the status quo power // *Journal of Contemporary China*. 2010. № 19 (64). P. 255, 257, 271.

¹⁵ Обозначение высшего руководства КНР по месту его фактического нахождения в одноимённой резиденции (аналогично тому, как слово "Кремль" используется для обозначения государственной власти России) — *Прим. ред.*

¹⁶ См.: *Ding Sheng*. To build a "harmonious world": China's soft power wielding in the global South // *Journal of Chinese Political Science*. 2008. Vol. 13. № 2. P. 210–211.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ См.: *Jian Zhang*. China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? // *Global Change, Peace & Security*. 2015. Vol. 27. P. 5–19. URL: <http://cos.sysu.edu.cn/uploadfile/file/20150324/2015032408100329329.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).

Си Цзиньпин предложил концепцию "комплексного подхода к национальной безопасности". Крайне симптоматично, что уже в январе 2015 г. Политбюро КПК приняло новую Стратегию национальной безопасности, которая через полгода была законодательно закреплена на государственном уровне. Кроме того, принятый в 2016 г. новый пятилетний план Китая впервые содержит целую главу о "Построении системы национальной безопасности"¹⁹.

Сегодня под безопасностью понимается "состояние защищённости политической, экономической, социальной, информационной, культурной, технологической и экологической сфер, а также киберпространства". В тексте нового закона указано, что для достижения состояния безопасности необходимо сплотиться вокруг КПК, которая способна обеспечить "централизованное, эффективное и авторитетное лидерство"²⁰.

Ещё одна дипломатическая инновация Си Цзиньпина — концепция "сообщества общей судьбы", которая демонстрирует важность развития отношений Китая с соседними государствами. Впервые эта идея прозвучала ещё в 2007 г., когда председатель Ху Цзиньтао описывал отношения с Тайванем в своём докладе на XVII Съезде КПК. Сегодня этот термин фактически означает вышеупомянутое "мирное окружение Поднебесной", но более ориентирован вовне, так как не имеет "даннического" оттенка. Кроме того, по словам заместителя главы МИД КНР Лю Цзяньмина, "сообщество единой судьбы" подразумевает принятие всеми участниками "китайского решения" — для наилучшего преодоления существующих проблем и достижения всеобщей стабильности.

При нынешнем руководстве КНР данная идея действительно стала стратегией, что особенно ощутимо проявляется в последовательных действиях Пекина по развитию торгово-экономических связей абсолютно со всеми соседними государствами в рамках Экономического пояса Шёлкового пути и Морского Шёлкового пути XXI века (стратегия Один пояс — один путь)²¹. Пекин объявил о создании Фонда Шёлкового пути в размере 40 млрд дол. для поддержки экономического развития государств Центральной Азии, а также учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций для содействия сотрудничеству со всеми заинтересованными государствами-партнёрами.

В этой связи целесообразно упомянуть выдвинутую Си Цзиньпином идею "китайской мечты", которая в переплетении с "сообществом общей судьбы" даёт некую "тихоокеанскую мечту". Речь идёт о выстраивании Китаем дипломатии в АТР с учётом национальных и культурных особенностей каждого государства. При этом Китай не навязывает собственной модели развития, а демонстрирует её привлекательность, в том числе через инвестиционные механизмы и инструменты "мягкой силы"²².

¹⁹ Шпунт А. "Смерть шпионам" — новая национальная идея Китая // REGNUM: информационное агентство. 2016. 4 мая. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2127835.html> (дата обращения: 18.12.2016).

²⁰ Коростиков М. Китай расширяет понятие национальной безопасности // Коммерсант. 2015. 2 июля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2759423> (дата обращения: 22.11.2016).

²¹ См. об этом: Комиссина И.Н. Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1. С. 60–81.

²² Yang Jiemian. Op. cit.

Добровольное признание странами АТР полезности опыта Китая для собственного развития добавляет последнему очков легитимности в качестве регионального лидера. Впрочем, стоит отметить, что речи о копировании китайских политической системы и экономической модели, равно как и установлении союзнических отношений с КНР не идёт — Пекин рассматривается чаще как партнёр *ad hoc*.

В современном политическом обороте в КНР достаточно популярна категория "коренных интересов", которая вызывает наиболее острые дискуссии в зарубежной академической среде (в англоязычной литературе — *core interests*). Китайское понимание сводится к тому, что это некие жизненно важные интересы, для защиты которых КНР неизменно готова применить военную силу. Белая книга по вопросам мирного развития КНР 2011 г. говорит о том, что такими "коренными" интересами являются государственный суверенитет, безопасность государственного строя, территориальная целостность, объединение государства (то есть присоединение Тайваня), сохранение того политического устройства, государства, которое закреплено в Конституции, общественная безопасность, а также "условия для устойчивого экономического и социального развития"²³.

Остаётся масса пространства для интерпретации этих интересов. В частности, неясно, включает ли понятие территориальной целостности спорные территории. В 2013 г. МИД КНР заявлял о том, что обладание островами Дьяоюйдао — "коренной" национальный интерес. Тогда как в отношении островов в Южно-Китайском море официальных заявлений Китай не делал. Подобная двойственность, с одной стороны, позволяет Пекину проявлять гибкость в кризисном урегулировании, однако, с другой стороны, создаёт риск межведомственной неразберихи в самом Китае по одному и тому же вопросу, равно как и даёт поводы для спекуляций среди антикитайских сил.

Стоит учитывать и то, что "мирный рост 2.0" претворяется в жизнь в новых геополитических условиях. В 2004 г., когда Пекин впервые выдвинул политику "мирного развития", она была воспринята мировым сообществом весьма положительно, главным образом из-за военных действий США и их союзников в Афганистане и Ираке. Неудачи Вашингтона создали новые возможности для Пекина и позволили ему тогда распространить своё влияние на глобальном уровне. Американская "перебалансировка" в АТР, стартовавшая в 2010 г. с речи госсекретаря Х. Клинтон на Гавайях, существенно изменила правила игры — внешнее окружение стало более насторожённым в отношении Китая. Действия Вашингтона теперь фактически стали направлены на сдерживание растущего влияния Китая и сохранение американского превосходства в Восточной Азии; США и КНР не предпринимали открытых действий непосредственно друг против друга даже в период кризисов в Тайваньском проливе.

Вместе с тем, определённое пространство для манёвра у Вашингтона и Пекина имеется. Политолог из Университета Южной Калифорнии Хуан Цинхао отмечает, что пятое поколение руководителей может изменить

²³ China's Peaceful Development. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 2011. September 6. URL: http://www.china.org.cn/government/white-paper/node_7126562.htm (дата обращения 11.11.2016).

направление внешнеполитического курса страны и пересмотреть реализацию экспансионистской политики, отказавшись от ряда притязаний. С другой стороны, новое руководство может продолжить отстаивать свои собственные интересы и национальные приоритеты с целью уменьшения влияния США в регионе. Независимо от того, в каком направлении Китай будет проводить внешнюю политику, вопрос об эффективности использования им "мягкой" силы при одновременном росте экономической и военной мощи останется открытым²⁴.

Китайские и западные авторы сходятся во мнении, что при Си Цзиньпине внешняя политика КНР стала более "умной", теперь в ней заложены основа для продолжительности и потенциал перемен. Усилия страны по стимулированию внутреннего развития, а также формированию благоприятной внешней среды создают возможность для увеличения масштабов международного сотрудничества. Экономические инициативы, включая Один пояс—один путь, при их реализации на равноправной основе могут отвечать интересам процветания не только значительной части АТР, но и других регионов.

Предварительные итоги американской стратегии "перебалансировки" в Азиатско-Тихоокеанском регионе

В ноябре 2011 г. президент Б. Обама объявил, что США разворачивают центр своего внимания на огромный потенциал Азиатско-Тихоокеанского региона²⁵. Госсекретарь Х. Клинтон также упомянула о начале "тихоокеанского века США"²⁶. Ряд подобных сообщений звучал неоднократно в 2010–2011 гг. как от упомянутых, так и от иных американских официальных лиц (выше уже упоминалась знаковая речь Х. Клинтон на Гавайях), что отражало как понимание политического руководства страны важности региона с точки зрения реализации американских национальных интересов, так и объективную необходимость преодоления последствий финансового кризиса 2008 г.

Подобно тому, как концепция "мирный рост 2.0" Си Цзиньпина была сформулирована его предшественниками, так и "перебалансировка", проводимая администрацией Обамы, начала реализовываться еще при Дж. Буше-мл. США с начала 2000-х гг. начали проводить политику расширения своего участия в делах Юго-Восточной Азии и участвовать в работе ряда организаций, например, Восточноазиатского саммита.

Интересно, что сосредоточение США на АТР было практически единогласно поддержано в Конгрессе и демократами, и республиканцами,

²⁴ См.: *Huang Chin-Hao*. China's soft power in East Asia: a quest for status and influence? // The National Bureau of Asian Research NBR. Special report #42. 2013. January. P. 18–19.

²⁵ См.: *Obama B.* Remarks by President Obama to Australian Parliament // The White House. Office of the Press Secretary. 2011. November 17. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 06.09.2016).

²⁶ *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. October. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 06.09.2016).

поскольку стратегия включала в себя меры как военного, так и экономического характера.

Из АТР не исходит прямой террористической угрозы для Вашингтона и его союзников, между тем последовательные действия Китая по расширению сферы своего влияния в Восточной Азии изменили региональную ситуацию. Оказали влияние на дальнейшие шаги американской администрации и действия КНДР по развитию ракетно-ядерной программы, и российская "восточная дипломатия".

Ввиду того, что оборонные расходы США постепенно сокращаются, способность Министерства обороны своевременно и адекватно реагировать на перемены и вызовы также уменьшается. Своеобразным "балансирующим" механизмом для достижения политического эффекта экономическими средствами должно было стать Транстихоокеанское партнёрство, однако новый президент Д. Трамп вывел страну из соглашения, чем усугубил неопределённость относительно будущего американской внешней политики в регионе.

Согласно официальной позиции, "перебалансировка" представляет собой серию правительственных усилий по трём направлениям: безопасность, экономика и человеческая общность²⁷. Вместе с тем, в Вашингтоне считают ключевым именно аспект безопасности, поскольку без его должной реализации США вообще не смогут поддерживать присутствие в АТР.

В августе 2015 г. министр обороны США Э. Картер охарактеризовал военный компонент тихоокеанской "перебалансировки" следующими четырьмя элементами: инвестирование в формирование структуры безопасности в АТР; поиск новых путей использования существующих систем, а также определение необходимых в будущем элементов; адаптация регионального компонента ВС США под географические условия и специфические задачи, в том числе путём увеличения числа проверок и учений; усиление альянсов и партнёрских связей²⁸. При этом Картер отметил, что успехи новой американской политики зависят от характера отношений с КНР, которые, вероятно, будут по-прежнему представлять собой смесь сотрудничества и соперничества.

Ядром "перебалансировки" остаётся военный компонент, основанный на традиционных союзах по модели "ступицы и спиц" (hub and spokes). США в духе концепции морской мощи А. Мэхана перекаладывают часть расходов по поддержанию боеспособности группировки вооружённых сил на своих партнёров. По итогам 2015 г. азиатские союзники США потратили примерно 30 млрд дол. на обеспечение американских военных объектов в Японии, Ю. Корее и Австралии, тогда как вклад США составил менее 7 млрд дол.²⁹ И согласно заявлениям президента Д. Трампа,

²⁷ См.: *Berteau, D., Green M., Cooper Z.* Assessing the Asia-Pacific Rebalance // Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington. URL: <https://www.csis.org/analysis/assessing-asia-pacific-rebalance> (дата обращения: 01.10.2016).

²⁸ См.: *Carter A.* Remarks on the Next Phase of the US Rebalance to the Asia-Pacific. 2015. April 6. URL: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606660/remarks-on-the-next-phase-of-the-us-rebalance-to-the-asia-pacific-mccain-instit> (дата обращения: 01.10.2016).

²⁹ См.: *Asia-Pacific Rebalance 2025* // Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington. URL: <https://www.csis.org/analysis/asia-pacific-rebalance-2025> (дата обращения: 01.10.2016).

финансовый вклад союзников в обеспечение безопасности будет только увеличиваться. Американские интересы в регионе распространяются дальше Северо-Восточной Азии и затрагивают Южную, Юго-Восточную Азию и бассейн Индийского океана. Однако, как отмечают американские военные эксперты, ключевые американские базы находятся в пределах досягаемости высокоточного оружия вероятных противников, что в ряде случаев удерживает Вашингтон от решительных действий³⁰.

В 2014 г. США предприняли важный шаг по усилению военного потенциала в АТР, подписав Расширенное соглашение о военном сотрудничестве с Филиппинами. Документ предоставляет США законные основания для строительства объектов военной инфраструктуры на архипелаге. В итоге ВС США окажутся физически ближе к стратегически важному Южно-Китайскому морю. Между тем, филиппинский лидер Р. Дутерте, пришедший к власти в 2016 г., крайне скептически относится к продолжению партнёрства с Вашингтоном, не исключая диалога с Пекином и Москвой.

В 2011 г. США и Австралия подписали соглашение, разрешающее размещение на ротационной основе на австралийских базах подразделений ВМС и Корпуса морской пехоты (КМП) США. В настоящий момент в Дарвине находятся 2500 морских пехотинцев, северная часть зелёного континента периодически используется американской авиацией, остаётся задействованной для нужд ЦРУ и АНБ база "Пайн Гэп".

Несмотря на сложности с финансированием ряда военных проектов, развёртывание американских сил и соединений в АТР не будет приостанавливаться. Можно отметить, что практика размещения военной техники и контингента в других странах на так называемой "временной" основе будет применяться американцами и в дальнейшем, поскольку политическая нагрузка такого рода сотрудничества не так высока как долговременный союз.

В целом, поведение Вашингтона в АТР на современном этапе может быть охарактеризовано как "мягкое сдерживание" Китая (containment+engagement=contagement), которое отличается от традиционного сдерживания отсутствием биполярной риторики и желанием вовлекать vis-a-vis в различные формы взаимодействия для разрядки напряженности.

Изменение характера взаимодействия США с ключевыми союзниками в Восточной Азии — Японией и Республикой Корея

После Сан-Францисского договора 1951 г. США, как уже говорилось, придерживаются политики "ступицы и спиц" в АТР, расширяя количество партнёрских связей в военной области в регионе. Вместе с тем, строгой организационной структуры по безопасности в АТР не сложилось. Главные причины — желание значительной части стран региона сохранить выгодные отношения с Китаем, особое отношение к суверенитету,

³⁰ См.: Asia-Pacific Rebalance 2025 // CSIS. Washington, 2016. P. 32. URL: <https://www.csis.org/analysis/asia-pacific-rebalance-2025> (дата обращения: 01.10.2016).

а также сложное историческое наследие. Кроме того, ряд государств развивает взаимные связи без участия США.

Япония, согласно Договору о взаимном сотрудничестве и безопасности 1960 г., продолжает оставаться центральным американским союзником в Восточной Азии. Толкование соглашения остаётся прежним — Токио предоставляет Вашингтону право по защите своей территории, включая доступ к военным базам. Вместе с тем, отношения в данном альянсе постепенно видоизменяются ввиду желания Японии занять более значимую роль в структуре безопасности в Восточной Азии.

В декабре 2013 г. Совет по национальной безопасности Японии опубликовал Стратегию национальной безопасности, где сформулированы три основные цели страны в этой области: расширение возможностей сдерживания для уменьшения числа и масштабов угроз, улучшение климата безопасности в АТР через сотрудничество с США и другими странами, а также улучшение глобальной обстановки в сфере безопасности на основе универсальных норм и ценностей³¹.

Новая военная стратегия направлена, прежде всего, на защиту юго-западных островов, опираясь на возможности Сил самообороны (ССО) Японии. Среднесрочная военная программа делает акцент на возможностях ССО по отражению атак на отдалённые районы, уничтожению баллистических ракет, ликвидации угроз из космоса и киберпространства, ликвидации последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, а также на расширение участия в миротворческой деятельности по линии ООН³².

В июле 2014 г. кабинет Абэ объявил о начале реформ в области оборонной политики, основываясь на расширенном толковании ст. 9 Конституции Японии. По некоторым оценкам, Токио стремится приобрести больший потенциал сдерживания для сохранения баланса сил с КНР³³.

В апреле 2015 г. Американско-японская консультативная комиссия по вопросам безопасности, состоящая из министров иностранных дел и обороны двух государств, одобрила новые положения двустороннего военного сотрудничества³⁴. Документ акцентирует внимание на трёх направлениях: учреждение Координационного механизма, расширение областей сотрудничества, а также привлечение третьих стран.

Вместе с тем, рост объёмов двусторонней японо-китайской торговли, а также прогресс в отношениях с Россией идут вразрез с полномасштабным развитием альянса Токио и Вашингтона. С учётом отказа США от проекта Транстихоокеанского партнёрства и постепенного выхода Сил

³¹ National Security Strategy. Japanese National Security Council and Cabinet. 2013. December 17. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).

³² National Defence Program Guidelines for JFY 2014 and beyond. 2013. December 17. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (дата обращения: 10.01.2017).

³³ См.: *Kallender-Umezu P.* Japanese Bills Expand Self-Defence Parameters // DOD News. 2015. July 16.

³⁴ См.: The Guidelines for US-Japan Defence Cooperation // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html> (дата обращения: 10.01.2017).

самообороны на уровень "минимального сдерживания", военные отношения с США могут подвергнуться поэтапной ревизии.

В частности, американские военные эксперты отмечают, что в неядерном конфликте с Китаем Япония даже совместно с США не сможет защитить свои военные объекты³⁵. Предложение Вашингтона по созданию объединённых систем ПВО и ПРО, а также оружия на новых физических принципах могут оказаться бесперспективными в силу их дороговизны и ярко выраженной "анти-китайской" и "анти-российской" направленности. В итоге Токио может предпочесть договориться с соседями, несколько уменьшив и потенциал США на своей территории.

Схожая ситуация наблюдается и относительно американо-южнокорейского сотрудничества в сфере безопасности. В отличие от Японии, Республика Корея оказывала непосредственное содействие ВС США практически во всех конфликтах после Второй мировой войны. Корейские военнослужащие также участвовали в восьми миротворческих операциях, включая Ливан и Гаити. Б. Обама и Пак Кын Хе подтвердили, что альянс "чувствует себя хорошо, как никогда"³⁶. Иными словами, Сеул является наряду с Токио, системообразующим партнёром для проведения политики "перебалансировки".

Вместе с тем, современный характер данного союза претерпевает изменения ввиду "мирного роста" Китая, который считает Корейский полуостров *terra nostrum*, а также утраты предсказуемости политического поведения КНДР. Постепенно должна быть осуществлена передача корейской стороне оперативного командования объединёнными войсками на юге полуострова во время военных действий (OPCON)³⁷. Совместную американо-южнокорейскую стратегию по предотвращению нападения со стороны КНДР часто именуют 4D стратегией (Detect, Defend, Disrupt, Destroy — обнаружить, защитить, сорвать, уничтожить). За пределами полуострова Сеул выполняет функцию посредника в переговорах с Китаем по вопросам безопасности, а также дополняет военные компетенции Японии в Северо-Восточной Азии (СВА)³⁸.

В экспертной среде нет однозначных оценок относительно реакции Вашингтона на сближение Сеула и Пекина как в экономике, так и в сфере безопасности. Администрация Пак Кын Хе считала Китай стратегическим партнёром, лидеры двух стран достаточно часто встречались, был установлен прямой диалог Советов по национальной безопасности РК и КНР, подписано соглашение о свободной торговле, Сеул также присоединился

³⁵ Asia-Pacific Rebalance 2025... P. 58.

³⁶ The United States — Republic of Korea Alliance: A Global Partnership // The White House. 2014. April 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-global-partnershi> (дата обращения: 01.10.2016).

³⁷ См.: *Scaparotti C.* Testimony before before Senate Committee on Armed Services, Hearing on US Pacific Command and US Forces Korea // United States Senate Committee on Armed Services. 2015. April 16. URL: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/15-04-16-us-pacific-command-and-us-forces-korea> (дата обращения: 01.10.2016).

³⁸ См.: Joint Communiqué: The 46th ROK-US Security Consultative Meeting. Washington D.C. 2014. October 23. URL: http://archive.defense.gov/pubs/46th_SCM_Joint_Communique.pdf (дата обращения: 01.10.2016).

к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций³⁹. При этом японо-южнокорейские отношения постепенно обесцениваются, страны даже не продлили соглашение о валютных свопах. В Корее растут и национально окрашенные, преимущественно антияпонские настроения, ввиду постоянного пребывания исторических разногласий в поле зрения гражданского общества. Стоит отметить, что Сеул воздерживается и от прямой поддержки США в Южно-Китайском море, вероятно, чтобы не раздражать КНР.

Достаточно сложным для американо-южнокорейских и корейско-китайских отношений является вопрос размещения в США комплексов ПРО ТНААД для защиты американских военных объектов от ракетного нападения со стороны КНДР. Китай неоднократно выражал своё недовольство данным решением. Как отметил Си Цзиньпин на Саммите G20 в Ханчжоу в сентябре 2016 г., "неправильное решение вопроса не способствует стратегической стабильности в регионе и может обострить разногласия"⁴⁰. В связи с углублением политического кризиса в РК и предстоящей до конца 2017 г. сменой администрации в Сеуле, вероятно, стоит ожидать и изменений корейских позиций относительно ТНААД.

Согласно Соглашению о специальных мерах 2014 г., Сеул обязуется покрывать 45 % всех расходов, связанных с размещением американских войск на Юге полуострова. В течение последних семи лет оборонные расходы страны растут на 4 % в год, составляя 2,5 % от ВВП⁴¹. Администрация Пак Кын Хе пыталась объяснить это необходимостью модернизации армии и улучшения оборонительных возможностей перед лицом опасности со стороны КНДР. Вместе с тем, в условиях сложной внутриэкономической ситуации подобный рост расходов на оборону вызывает недовольство в южнокорейском обществе.

Американские эксперты отмечают, что Сеул настроен на приобретение собственных возможностей как по нанесению высокоточных ракетных и воздушных ударов, так и по отражению подобного нападения. Взаимодействие с ВС США, несмотря на периодически проводимые учения, слабое. Южнокорейские военные также предпочитают не раскрывать всей информации японской стороне, практически не сотрудничают с Австралией и Тайванем.

В целом, можно отметить, что американо-южнокорейское сотрудничество по вопросам безопасности носит противоречивый характер. Сеул находится под влиянием мнений Пекина и Москвы по критическим вопросам, а также не удовлетворён отсутствием реального содействия со стороны США по вопросу объединения нации. Даже если РК не потребует на этой почве вывода американских войск со своей территории в ближайшие 5–7 лет, её потенциал участия в многосторонних институтах безопасности, где роль США минимальна, будет только расти.

³⁹ См.: *Snyder S. Byun S. South Korea's Diplomatic Triangle // Comparative Connections – A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations*. 2015. May. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/1501qchina_korea.pdf (дата обращения: 01.10.2016).

⁴⁰ *Захаров Р.* Китай выступил против размещения ПРО США в Южной Корее // *Известия*. 2016. 5 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/630556> (дата обращения: 01.10.2016).

⁴¹ См.: *Manyin M. U.S.–South Korea Relations // Congressional Research Service*. 2016. October 20. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R41481.pdf> (дата обращения: 01.10.2016).

Кризис многосторонних структур безопасности в АТР

Несколько региональных организаций ведут работу в области содействия региональной безопасности и стабильности в АТР. Вместе с тем, компетенция подавляющего большинства из них ограничивается Юго-Восточной Азией. Как правило, данные институты и площадки провозглашают своими целями борьбу с нетрадиционными угрозами безопасности: терроризм, пиратство, стихийные бедствия и техногенные катастрофы; обсуждаются также и вопросы, связанные с разграничением Южно-Китайского моря. Отсутствие в повестке "жестких" вопросов безопасности обусловлено и тем, что члены данных организаций — в основном небольшие государства с относительно скромным военным потенциалом.

В 2015 г. США направили постоянного военного советника в АСЕАН для консультаций по вопросам морской безопасности. Другой мерой, призванной усилить американское влияние в регионе, стала Инициатива по морской безопасности в Юго-Восточной Азии⁴².

Достаточно представительной организацией по вопросам безопасности в ЮВА является и Региональный Форум АСЕАН–АРФ, состоящий из 27 членов. В центре повестки сегодня — ликвидация последствий бедствий и аварий, создана и специальная группа по кибербезопасности⁴³.

Многообещающим, с точки зрения обмена мнениями, является формат встреч министров обороны стран АСЕАН и стран-партнёров. Всего формат СМОА-плюс (ADMM-plus) включает в себя 18 участников, помимо "асеановской десятки"⁴⁴. Экспертные группы работают по шести направлениям: морская безопасность, борьба с терроризмом, ликвидация последствий стихийных бедствий и техногенных катастроф, миротворчество, военная медицина, а также ликвидация противопехотных мин.

В 2014 г. министр обороны США Ч. Хэйгел принял министров обороны стран АСЕАН на Гавайях в рамках Форума по обороне США–АСЕАН. В рамках дискуссий было подписано, в том числе, несколько соглашений на поставку американских вооружений и военной техники. Интересно, что аналогичный формат встреч был предложен странам АСЕАН и китайской стороной.

Восточноазиатский саммит включает в себя те же 18 участников, что и СМОА-плюс. США и Россия начали участвовать в работе организации одновременно в 2011 г. после подписания с АСЕАН Договора о дружбе и сотрудничестве. Администрация Б. Обамы возлагала определённые надежды на ВАС как компонент "перебалансировки" и инструмент

⁴² См.: *Carter A.* The United States and Challenges of Asia-Pacific Security // Speech at Shangri-La dialogue. Singapore. 2015. May 30. URL: <http://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2015-862b/plenary1-976e/carter-7fa0> (дата обращения: 10.01.2017).

⁴³ См.: Joint ADMM, ADMM-Plus and ARF Calendar 2015 // ASEAN Regional Forum. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/events.html> (дата обращения: 10.01.2017).

⁴⁴ Членами АСЕАН являются Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. В СМОА-плюс дополнительно входят Российская Федерация, Китай, Республика Корея, Япония, США, Индия, Австралия и Новая Зеландия.

расширения влияния на государства Юго-Восточной Азии, однако позиция Д. Трампа пока неясна.

В 2012 г. США оказали странам ЮВА содействие по организации первого Расширенного морского форума АСЕАН. Данный институт фактически представляет собой "полуторную дорожку" для членов ВАС по обсуждению вопросов морской безопасности. Стоит отметить, что повестка мероприятия пока что отражает в основном американскую точку зрения на Южно-Китайское море.

Соглашение о региональном сотрудничестве в борьбе с пиратством и вооружёнными нападениями на суда в Азии (ReСААР) направлено на устранение негосударственных угроз. В Сингапуре организован центр обмена данными в целях улучшения координации государств-участников. США с 2014 г. включили в данную программу Координационный спасательный центр Береговой охраны в Аламеда (Калифорния) и подразделение Береговой охраны в Йокогаме (Япония). Интересно, что данная, пока небольшая, инициатива всерьёз рассматривается вашингтонскими аналитиками как компонент "перебалансировки" и шаг к усилению региональных институтов безопасности⁴⁵. Как отмечается, участие США в соглашении делает фактически легитимным пребывание военных кораблей США в "пиратоопасных" районах, включая Малаккский пролив⁴⁶, что вполне укладывается в логику возможного развития американо-китайского противостояния.

В 2013 г. члены АРФ согласились сместить акцент организации от построения мер доверия к превентивной дипломатии, однако фактических шагов не последовало. Можно отметить, что сегодня повестку рабочих групп в асеановских форматах во многом определяет Китай, что оставляет всё меньше пространства для американского влияния. Вашингтон доминирует на дискуссионных площадках и мероприятиях "полуторной" и "второй" дорожек. Также склонны расширять тематику обсуждений на Восточноазиатском саммите до такой "высокой" политики, как обстановка в Южно-Китайском море и борьба с группировкой "Исламское государство". С одной стороны, это позволяет обмениваться мнениями по многим вопросам, однако, с другой, затрудняет реальные действия, так как для них требуется высокий уровень принятия решений. Китай, в свою очередь, блокирует ряд обсуждений невыгодных для него вопросов, равно как и увод их на иные площадки, где он не участвует. Пекин высказывается, скорее, за функциональное сотрудничество, нежели за глобальные дискуссии.

Для преодоления так называемого "азиатского парадокса", когда сотрудничество стран АТР в области безопасности и политики существенно отстаёт от экономической интеграции, президент РК Пак Кын Хе предложила учредить Инициативу по миру и сотрудничеству в Азии (NAPCI). Согласно её замыслу, диалог и сотрудничество должны осуществляться на различных уровнях между РК, США, Японией, КНР, Россией и Монголией. КНДР в данном формате в настоящее время не участвует, однако

⁴⁵ См.: *Kelly T.* US Foreign Policy and Diplomacy. Speech at APCSS, Honolulu // U.S. Department of State. 2014. April 17. URL: <http://www.state.gov/t/pm/rls/rm/2014/225003.htm> (дата обращения: 01.10.2016).

⁴⁶ См.: *Kemp T.* It's Official: US Joint Fight Against Asia Pirates // CNBC. 2014. September 23. URL: <http://www.cnbc.com/2014/09/16/y-us-to-enter-fight-against-pirates-in-asia.html> (дата обращения: 01.10.2016).

Сеул в перспективе не исключает её присоединения, в том числе, для разрешения "ядерного кризиса" и содействия объединению⁴⁷. Организация призвана иметь дело с "мягкими" вопросами безопасности: безопасность ядерных объектов, энергетическая безопасность, киберпространство, здравоохранение, наркоторговля и ликвидация последствий стихийных бедствий. Достижение эффекта в менее политически чувствительных областях, возможно, со временем позволит перейти и к более "твёрдым" вопросам, связанными с территориальными спорами, наращиванием военной мощи и т. д. В рамках организации предусматривается, скорее, построение мер доверия, нежели выработка норм и правил; предусмотрена и гибкая система партнёрства.

Вместе с тем, NARCI, несмотря на свою молодость, уже сейчас сталкивается с определёнными сложностями. Во-первых, решение "мягких" вопросов совсем не означает того, что страны сумеют разрешить и принципиальные для них разногласия, связанные с государственным суверенитетом или развитием экономики. Во-вторых, не вполне очевидна влияние института на политические круги стран-участниц. Например, Китай склонен к изменению status quo и другим странам придётся определить, насколько они готовы доверять его поведению. По замечанию американского политолога Дж. Миршаймера, невозможно совершенно точно определить намерения той или иной страны, так как они не поддаются измерению. И более того, сегодняшние действия того или иного государства совершенно обязательно повторятся в будущем — друзья легко становятся врагами⁴⁸.

В связи с этим, говорить о способности структур, подобных NARCI, стать полноценным форумом по безопасности в Восточной Азии, проблематично. Для АТР более традиционной является опора на альянсы и наращивание военных возможностей, чем на многосторонние институты по предотвращению глобальной войны⁴⁹.

Новые возможности для России

Как представляется, в обозримой перспективе ни одно государство не будет в состоянии достигнуть комплексного доминирования в АТР. Кроме того в Восточной Азии слишком много сильных государств, а также велико влияние внерегиональных участников. Практика политического процесса в АТР демонстрирует, что ни одно государство не обладает потенциалом, достаточным для формирования универсальной многосторонней региональной структуры безопасности в течение ближайших 10–15 лет.

Действия Вашингтона можно охарактеризовать как "объединение усилий по формированию нового правопорядка в регионе и мире", и они концентрируются, скорее, на ограничении роста комплексного могущества

⁴⁷ См.: *Kim Heajin*. North East Asia, Trust and NAPCI // The Diplomat. 2015. December 18. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/northeast-asia-trust-and-the-napci/> (дата обращения: 10.01.2017).

⁴⁸ См.: *Mearsheimer J.* Conversations in International Relations. Part II. URL: <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/A0041.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).

⁴⁹ См.: *Lee Sang-Hyun*. NAPCI: A Vision Towards Sustainable Peace and Cooperation in North East Asia // The Asan Forum. 2014. December 15. URL: <http://www.theasanforum.org/the-northeast-asia-peace-and-cooperation-initiative-napci-a-vision-toward-sustainable-peace-and-cooperation-in-northeast-asia/> (дата обращения: 01.11.2016).

Китай⁵⁰. Сегодня США испытывают колоссальные трудности с внутренним долгом и несут серьёзные имиджевые потери в связи с неудачами на Ближнем Востоке, постсоветском пространстве и Корейском полуострове. Как отмечала известный теоретик в области международных отношений С. Стрейндж, обсуждая перспективы формирования нового мирового порядка, следует обращать внимание не на "принудительную" мощь государства, а на их "созидательный" потенциал — как именно они могут способствовать поддержанию мира и безопасности и объединять другие государства вокруг себя ради этой цели⁵¹.

Китай ориентирован на решение множества внутренних задач, связанных, прежде всего, с неравномерным социально-экономическим развитием территорий. На международной арене Пекин озабочен защитой своих суверенных прав в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, фактически оставив даже традиционно важную для него северокорейскую проблему.

Новая политика Китая — "мирный рост 2.0", делает акцент на центральных интересах нации, что в ряде случаев затрудняет и столь привлекательное торгово-экономическое сотрудничество. Кроме того, ряд военных приготовлений, включая закладку третьего авианосца, усиление спутниковой группировки, а также развёртывание новых мобильных комплексов с межконтинентальными баллистическими ракетами выглядят слишком внушительно, чтобы Вашингтон мог ими пренебречь.

Следует отметить, что помимо усложняющихся американо-китайских отношений формированию структуры безопасности в АТР препятствуют ухудшение японо-корейских отношений, а также дестабилизация обстановки на Корейском полуострове. Единственно возможным вариантом достижения консенсуса по ключевым вопросам региональной безопасности видится обсуждение их на многосторонних площадках различного уровня с последующей выработкой решений на принципе всеобщей выгоды (win-win).

На Западе склонны недооценивать потенциал российско-китайского партнёрства, которое часто представляется как "неравноценный союз" или "временное совпадение интересов"⁵². Чаще всего преподносится тезис об отсутствии стратегического доверия между Москвой и Пекином и некоем страхе перед "жёлтой угрозой"⁵³.

Если американо-китайское соперничество в АТР перейдёт из нынешней, более или менее умеренной модальности в стадию открытой конфронтации, Россия, по мнению многих западных аналитиков, получит ключевое значение⁵⁴. Даже в отсутствие подлинного альянса хорошие

⁵⁰ Американская стратегия перебалансировки сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4. С. 9–43.

⁵¹ См.: *Strange S.* Toward a Theory of Transnational Empire / *Czempiel E., Rosenau J.* (eds) // *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's.* Lexington, 1989.

⁵² *Bobo Lo.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Brookings Institution Press, 2008.

⁵³ *Chang G.G.* China and Russia: An Axis of Weak States // *World Affairs.* 2014. March / April. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/china-and-russia-axis-weak-states> (дата обращения: 10.01.2017).

⁵⁴ См.: *Luttwak E.* The Rise of China vs. the Logic of Strategy. The Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, MA, 2012. P. 141–142.

отношения с Россией дают Китаю огромные стратегические выгоды. Прежде всего, Пекин в таком случае может рассчитывать на безопасный тыл (*strategic rear area*)⁵⁵.

Учитывая последние инициативы по сопряжению Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, можно говорить о формировании в Москве и Пекине общего *modus operandi* на всём пространстве Большой Евразии, затрагивающего значительную часть Восточной Азии. В итоге новый формат может сложиться вокруг Шанхайской организации сотрудничества, куда уже вошли Индия и Пакистан, а в дальнейшем можно ожидать присоединения Монголии и Ирана. Вероятно, в итоге произойдёт образование "евразийской Антанты"⁵⁶.

Евразийский блок будет надёжно контролировать континентальный "хартлэнд" Евразии. Институционально такой блок может быть оформлен в виде двустороннего союзного договора РФ и КНР, либо в виде многосторонней структуры, основой которой станет Шанхайская организация сотрудничества⁵⁷. Необходима и координация действий с такими международными структурами как Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВДМА) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

В нынешних условиях отсутствия перспектив по образованию в АТР эффективной системы безопасности можно говорить о том, что Россия и Китай, избегая формального альянса, выступают за складывание новой региональной подсистемы международных отношений и экономики, свободной от комплексного влияния Запада. В итоге именно российско-китайский вектор сотрудничества в Евразии вкупе с китайскими инициативами в Восточной Азии могут стать основой для новой универсальной макрорегиональной системы безопасности.

Ключевые слова: *безопасность в АТР — американо-китайские отношения — национальные интересы — Китай — Россия — США — Япония — Республика Корея.*

Keywords: *security in the Asia-Pacific region — the U.S.-China relations — national interests — China — Russia — USA — Japan — the Republic of Korea.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Американская стратегия перебалансировки сил в АТР и интересы национальной безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 4. С. 9–43.

2. *Бабонес С.* Азиатско-Тихоокеанский регион стабильнее, чем принято считать // Российский Совет по международным делам: официальный сайт. 2015. 24 марта.

⁵⁵ См.: *Friedberg A.* A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia. W.W. Norton&Company. New York, 2012.

⁵⁶ Данная идея была предложена немецким геополитиком Карлом Хаусхофером ещё в 1940 г., и в силу определённых причин, на неё не принято ссылаться.

⁵⁷ Некоторые зарубежные наблюдатели уже рассматривают ШОС в качестве "Евразийского оборонительного альянса". См.: *Tse-Hei Lee J.* Not So Peaceful: China's Rise and Geopolitics in Asia / In Benny Teh Cheng Guan (ed.) // Globalization, Development and Security in Asia. Volume 1: Foreign Policy and Security in an Asian Century: Threats, Strategies and Policy Choices. Singapore: World Scientific, 2014. P. 16.

URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=5496&active_id_11=68#top (дата обращения: 10.12.2016).

3. *Захаров Р.* Китай выступил против размещения ПРО США в Южной Корее // Известия. 2016. 5 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/630556> (дата обращения: 01.10.2016).

4. *Комиссина И.Н.* Морской Шёлковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1. С. 60–81.

5. *Коростиков М.* Китай расширяет понятие национальной безопасности // Коммерсант. 2015. 2 июля. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2759423> (дата обращения: 22.11.2016).

6. *Федотов В.П.* О формуле G2 в отношениях США и Китая: мифы и реальности // Российский институт стратегических исследований: официальный сайт. 2010. 28 апреля. URL: <https://riss.ru/analytys/1071/> (дата обращения: 01.02.2017).

7. *Шпунт А.* "Смерть шпионам" — новая национальная идея Китая // REGNUM: информационное агентство. 2016. 4 мая. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2127835.html> (дата обращения: 18.12.2016).

8. Asia-Pacific Rebalance 2025 // Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington. URL: <https://www.csis.org/analysis/asia-pacific-rebalance-2025> (дата обращения: 01.10.2016).

9. *Babbin J., Timperlake E.* Showdown: Why China wants War with the United States. Washington D.C.: Regnery, 2006.

10. *Berteau, D., Green M., Cooper Z.* Assessing the Asia-Pacific Rebalance // Center for Strategic and International Studies (CSIS). Washington. URL: <https://www.csis.org/analysis/assessing-asia-pacific-rebalance> (дата обращения: 01.10.2016).

11. *Bobo Lo.* Axis of Convenience: Moscow, Beijing, and the New Geopolitics. Brookings Institution Press, 2008.

12. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 588 p.

13. *Carter A.* Remarks on the Next Phase of the US Rebalance to the Asia-Pacific. 2015. April 6. URL: <http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606660/remarks-on-the-next-phase-of-the-us-rebalance-to-the-asia-pacific-mccain-instit> (дата обращения: 01.10.2016).

14. *Carter A.* The United States and Challenges of Asia-Pacific Security. Speech at Shangri-La dialogue. Singapore. 2015. May 30. URL: <http://www.iiss.org/en/events/shangri-la-dialogue/archive/shangri-la-dialogue-2015-862b/plenary1-976e/carter-7fa0> (дата обращения: 10.01.2017).

15. *Chang G.G.* China and Russia: An Axis of Weak States // World Affairs. 2014. March / April. URL: <http://www.worldaffairsjournal.org/article/china-and-russia-axis-weak-states> (дата обращения: 10.01.2017).

16. China's Peaceful Development. Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 2011. September 6. URL: http://www.china.org.cn/government/whitepaper/node_7126562.htm (дата обращения 11.11.2016).

17. *Clinton H.* America's Pacific Century // Foreign Policy. 2011. October. URL: <http://foreignpolicy.com/2011/10/11/americas-pacific-century/> (дата обращения: 06.09.2016).

18. *Ding Sheng.* Analyzing rising power from the perspective of soft power: a new look at China's rise to the status quo power // Journal of Contemporary China. 2010. № 19(64).

19. *Ding Sheng.* To build a "harmonious world": China's soft power wielding in the global South // Journal of Chinese Political Science. 2008. Vol. 13. № 2.

20. *Friedberg A.* A Contest for Supremacy: China, America and the Struggle for Mastery in Asia. W.W. Norton&Company, New York. 2012.

21. *Huang Chin-Hao.* China's soft power in East Asia: a quest for status and influence? // The National Bureau of Asian Research NBR. Special report #42. 2013. January. 19 p.

22. *Hunter A.* Soft Power: China on the Global Stage // Chinese Journal of International Politics. 2009. Vol. 2 (3). URL: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/2/3/373> (дата обращения: 05.12.2016).
23. *Jacques M.* When China Rules the World: The End of the Western World and the Birth of a New Global Order. Penguin Books, 2012. 812 p.
24. *Jian Zhang.* China's new foreign policy under Xi Jinping: towards 'Peaceful Rise 2.0'? Global Change, Peace & Security. 2015. Vol. 27. P. 5–19. URL: <http://cos.sysu.edu.cn/uploadfile/file/20150324/2015032408100329329.pdf> (дата обращения: 15.12.2016).
25. Joint ADMM, ADMM-Plus and ARF Calendar 2015 // ASEAN Regional Forum. URL: <http://aseanregionalforum.asean.org/events.html> (дата обращения: 10.01.2017).
26. Joint Communiqué: The 46th ROK-US Security Consultative Meeting. Washington D. C. 2014. October 23. URL: http://archive.defense.gov/pubs/46th_SCM_Joint_Communique.pdf (дата обращения: 01.10.2016).
27. *Kallender-Umezu P.* Japanese Bills Expand Self-Defence Parameters // DOD News. 2015. July 16.
28. *Kelly T.* US Foreign Policy and Diplomacy. Speech at APCSS, Honolulu // U.S. Department of State. 2014. April 17. URL: <http://www.state.gov/t/pm/rls/rm/2014/225003.htm> (дата обращения: 01.10.2016).
29. *Kemp T.* It's Official: US Joint Fight Against Asia Pirates // CNBC. 2014. September 23. URL: <http://www.cnbc.com/2014/09/16/y-us-to-enter-fight-against-pirates-in-asia.html> (дата обращения: 01.10.2016).
30. *Kim Heajin.* North East Asia, Trust and NAPCI // The Diplomat. 2015. December 18. URL: <http://thediplomat.com/2015/12/northeast-asia-trust-and-the-napci/> (дата обращения: 10.01.2017).
31. *Lampton D.M.* The faces of Chinese power // Foreign Affairs. 2007. Vol. 86. № 1. P. 115–227.
32. *Lee Sang-Hyun.* NAPCI: A Vision Towards Sustainable Peace and Cooperation in North East Asia // The Asan Forum. 2014. December 15. URL: <http://www.theasanforum.org/the-northeast-asia-peace-and-cooperation-initiative-napci-a-vision-toward-sustainable-peace-and-cooperation-in-northeast-asia/> (дата обращения: 01.11.2016).
33. *Li Junhua.* Presenting Innovations in China's Diplomatic Theory and Practice // Cpifa Customer Reviews. URL: <http://www.cpifa.org/en/q/listQuarterlyArticle.do?articleId=361> (дата обращения: 15.01.2017).
34. *Luttwak E.* The Rise of China vs. the Logic of Strategy. The Belknap Press of Harvard University Press: Cambridge, MA, 2012. P. 141–142.
35. *Manyin M.* U.S.–South Korea Relations // Congressional Research Service. 2016. October 20. URL: <http://fas.org/sgp/crs/row/R41481.pdf> (дата обращения: 01.10.2016).
36. *Mearsheimer J.* Conversations in International Relations. Part II. URL: <http://mearsheimer.uchicago.edu/pdfs/A0041.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).
37. National Defence Program Guidelines for JFY 2014 and beyond. 2013. December 17. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
38. National Security Strategy. Japanese National Security Council and Cabinet. 2013. December 17. URL: <http://www.cas.go.jp/jp/siryou/131217anzenhoshou/nss-e.pdf> (дата обращения: 10.01.2017).
39. *Obama B.* Remarks by President Obama to Australian Parliament // The White House. Office of the Press Secretary. 2011. November 17. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 06.09.2016).
40. *Ramo J.C.* The Beijing Consensus: notes on the new physics of Chinese power. London: The Foreign Policy Center, 2004. 74 p. URL: <http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).

41. *Scaparotti C.* Testimony before before Senate Committee on Armed Services, Hearing on US Pacific Command and US Forces Korea // United States Senate Committee on Armed Services. 2015. April 16. URL: <http://www.armed-services.senate.gov/hearings/15-04-16-us-pacific-command-and-us-forces-korea> (дата обращения: 01.10.2016).
42. *Snyder S., Byun S.* South Korea's Diplomatic Triangle // Comparative Connections – A Triannual E-Journal on East Asian Bilateral Relations. 2015. May. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/1501qchina_korea.pdf (дата обращения: 01.10.2016).
43. *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics* / ed. by Li Mingjiang. Lexington Books, Plymouth, 2009. 275 p.
44. *Strange S.* Toward a Theory of Transnational Empire / Czempiel E., Rosenau J. (eds) // *Global Changes and Theoretical Challenges: Approaches to World Politics for the 1990's*. Lexington, 1989.
45. *The Guidelines for US-Japan Defence Cooperation* // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/n-america/us/security/guideline2.html> (дата обращения: 10.01.2017).
46. *The United States – Republic of Korea Alliance: A Global Partnership* // The White House. 2014. April 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/25/joint-fact-sheet-united-states-republic-korea-alliance-global-partnershi> (дата обращения: 01.10.2016).
47. *Tse-Hei Lee J.* Not So Peaceful: China's Rise and Geopolitics in Asia / In Benny Teh Cheng Guan (ed.) // *Globalization, Development and Security in Asia. Volume 1: Foreign Policy and Security in an Asian Century: Threats, Strategies and Policy Choices*. Singapore: World Scientific, 2014. P. 16.
48. *Yang Jiemian.* China's Innovative Diplomatic Strategy in the New Era // China Institute of International Studies. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2015-05/27/content_7937633.htm (дата обращения: 15.12.2016).
49. *Zhao Suisheng.* Rethinking the Chinese World Order: the imperial cycle and the rise of China // *Journal of Contemporary China*. 2015. Vol. 24. № 96. P. 961–982. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/10670564.2015.1030913> (дата обращения: 15.01.2017).